

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Драматическая поэма

ДРЕВНЕЕ МИРО - НЕИСЛЕДИМО

Встреча с хорошей мудрой книгой для меня всегда праздник, всегда радость.

Недавно Господь подал мне поэму Андрея Медведеко "Боярыня Морозова", которая так захватила своей духовной мощью, мастерством и глубоким проникновением в материал, что вызвала меня на следующие размышления.

Поместный собор Русской Православной церкви, состоявшийся в 1971 году своим Деянием от 2 июня подтвердил православные богослужебные книги, бывшие в употреблении до патриаршества Никона, засвидетельствовал спасительность старых русских обрядов, отверг порицательные выражения о старых обрядах и отменил клятвенные запреты 1656-1667 гг. на старые русские обряды. В новом Деянии Собор заявил, что любовью объемлет всех, свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами.

В меморандуме встречи Московского патриархата Русской Православной Церкви с представителем Древлеправославной Церкви старого обряда от 3 июня 1999 года говорится, что:

1. Впредь избегать по отношению друг к другу и к содержащимся в обеих церквях богослужебным обычаям и обрядам оскорбительных выражений.
2. Относиться с пониманием и одобрением к существованию в лоне Русской Православной церкви и приходов старого обряда, а также к введению в богослужебную практику отдельных приходов древних служебных чинов.
3. Признать несправедливым имевшие место в истории преследования людей за неприятие церковных реформ 17 века.

Результаты переговоров между Московским патриархом с делегацией от Древлеправославной Поморской церкви были одобрены Священным Синодом Русской Православной Церкви на заседании 19 июля 1999 года. В синодальном постановлении преследования противников церковных реформ 17 века были не просто признаны несправедливыми, но и осуждены. Следующим шагом должно быть осознанное сожаление о происходящих трагических событиях, раскаяние за пролитую кровь.

Исходя из вышеизложенного, представляются совершенно безответственными ярлыки: секта, раскол и т. п., которые навешиваются на тех, кто ревнует о возрождении древнерусских традиций в лоне нашей церкви.

Под более чем талантливым пером поэта Андрея Медведенко раскрывается эта тема в поэме "Боярыня Морозова". Она интересна своей самостоятельностью и достойно отразила одно из сложнейших явлений истории Церкви, звучит, как призыв к покаянию перед нашими несгибаемыми предками за соблазн Церкви. Они ли раскольники? Они - герои! Ведь, если бы ни "широкое народное старообрядческое движение", вряд ли возможно было бы Православие на Руси вплоть до наших дней. По словам митрополита Филарета, именно старообрядчество спасло в 18-19 веках русскую иерархию от католичества, а русскую аристократию от протестантизма.

Сегодня уже официально считается двуперстие равносительным троеперстию. Оно основывается на твердой законной почве канонов.

Концепция "Москва - Третий Рим», основанная на идее хранения чистоты Православия Московской Русью после падения Византии была истолкована предшественниками царя Алексея Михайловича в прямом политическом смысле, а не в духовном, что и явилось исходной точкой трагедии Русской Церкви и России на протяжении будущих веков.

Неслучайно Поэма "Боярыня Морозова" начинается с царя, как главного виновника раскола, пожелавшего руками Никона отцов духовных перековать на свой лад.

Задача Третьего Рима в голове молодого царя Алексея Михайловича воспыла мечтой освободить православных от турок и войти в Цареград василевсом всего православия, а его другу - патриарху Никону - служить литургию в Святой Софии во главе 4-х остальных патриархов. Для этого надо было спешно согласовать все книги и обряды с греческими.

Первым шагом в направлении политической реализации этой идеи, выразившейся в стремлении наследовать престол византийских императоров и явилась Никоно-Алексеевская "реформа" по современному греческому образцу, который откинул от себя старые догматы и опошил их.

«Там вера испроказилась повсюдно прельщениями безбожных агарян, здесь в Русских землях паче просияла, святых отцов ученьями...» - утверждает Аввакум в поэме. И вот эту испроказившую веру Русская Церковь должна была брать за образец. «Не так молитесь! Не так креститесь!» - ударило, словно гром среди ясного неба. И началось:

- Пинками ведут на площадь веру, как осла!
- Святые книги жгут! Христопродавцы!
- И кукишами крестятся.
- Иконам выкальвают ,изверги, глаза.

Главное зло «реформы» - раскол, который явился невозвратимой растратой духовной энергии народа, огромным несчастьем в жизни Церкви и России. Он расколол душу народа и помрачил национальное сознание. Кровь полилась рекой. "Пытки, казни следуют непрерывным рядом,- пишет старообрядческий историк, - повсюду горели костры, сжигали сотнями, тысячами людей, резали языки, рубили головы, ломали ребра, четвертовали - за двуперстие, за сохранение старых обрядов. Тюрьмы и подземелья были переполнены. Не щадили никого, даже детей. Все, что могло изобрести человечество для устрашения, паники и террора - все было пущено в ход."

За всей этой жестокостью прослеживается сценарий Ватикана, целью которого было латинизировать Московскую Русь.

О дерзость! О падение! О Русь!
Почто тебе латинских восхотелось
поступков и обычаев? Почто..., -

возмущается в письме к Морозовой Аввакум.

Никоно-Алексеевская "реформа" - это тяжкое церковное преступление. Она отверзла широкий вход в церковную среду всем последующим пагубным нововведениям - в архитектуре, иконописи, пении и т. д. С нее началось резкое оскудение веры, духовности и нравственности в русском обществе, которое отзовется великим полымем 1917 года, потому как вековые запоры были сняты и в церковное искусство шумно ворвалась мирская стихия. Русь оказалась хранительницей не православия, а грубых богослужебных ошибок.

Одних - жажда власти, других - животий страх и человекоугодность толкали на путь грехопадения:

«Я, государь, не новой и не старой не знаю веры. Но всегда готов все, что велят начальники исполнить,» - угрождает архимандрит Чудова монастыря Иоаким царю Алексею Михайловичу, потому и стал после Никона патриархом всея Руси. Зато гнев Аввакума звучит пророчески:

Свет никогда не сговорится с тьмой! -
Взметайся, чернь!
Народа глас - глас Божий! -

и это святой гнев, ибо не земное, тем более не личное защищает он, а Святую Русь самую древнюю ветвь... нашу исконную ветвь и потому восстал ревниво и бурно.

А вот боярыня Морозова, ее сестра княгиня Урсова и дворянка Данилова - имущие и имевшие авторитет среди многочисленного простого народа, совсем не призывают к бунту, а только к духовному поединку. Таким красочным и могучим слогом раскрывается в поэме этот подвиг самопожертвования, где голос свыше, то есть глас Божий, возводит каждый шаг великомучениц на самую вершину победной силы духа над мракобесием.

Знаю, знаю твои дела, и что ты живешь там,
где престол сатаны,
и что не можешь сносить развратных и лжецов,
кои называют себя святыми.
Не страшись ничего!
Что должно тебе претерпеть, ты претерпишь.
Пускай будут ломать твои кости - терпи!
Жечь огнем и морить голодом - терпи!
Не дай одолеть себя!

И Морозова следует путем Божиим. Мужественно перенося на пыточном дворе нечеловеческие муки, обращает свой страстный глас, как к своим сподвижницам, так и в день сущий:

**О люди! О двуногие! Зачем
в звериное вы впали состоянье?
Зачем вам ценны более всего
металл и камни, а не человеки?!
Терпите, матушки! Терпите, дорогие!
Не устремляйтесь к малому, когда
великое стучится в ваши двери!**

Именно она вместе с протопопом Аввакумом и его окружением не дала духовно оскудеть истинному Православию. Их подвиг на протяжении трех столетий давал народу силы преодолевать страшную "никонианскую" болезнь и дает ее ныне нам в новых жизненных испытаниях.

Поэма написана не на основе официальной истории, часто искажающей факты, а на фактах истории церкви драматического периода второй половины 17 века и является потребностью нашего сердца, дабы наступили благие перемены к лучшему в нашей многострадальной Отчизне. Она, безусловно, актуальна, так как сегодня борьба церковных идей не только не затухает, но и приобретает большую остроту, сочетаясь с чисто политическими и экономическими интересами разных стран. Вопросы, которые ставит перед современным миром автор посредством художественного слова не могут не привлекать внимание не только самой церкви, но и сегодняшней мир с его не менее сложными нравственными проблемами, чем в 17 веке.

Надеюсь, "Боярыня Морозова" еще долго будет волновать читателя, как своим воплощением в реальную жизнь приходов старого обряда в лоно Русской Церкви, так и верой в несломный дух человека, познавшего силу добродетели на земле.

Священник ВИКТОР МУСТАФИН

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Драматическая поэма

Действующие лица:

Алексей Михайлович, *царь*.
Федосья Прокопьевна Морозова, *боярыня*.
Евдокия Прокопьевна Урусова,
княгиня, родная сестра Морозовой.
Мария Герасимовна Данилова, *дворянка*.
Иоанн Воротынский, *князь*.
Аввакум, *протопоп*.
Никон, *патриарх всея Руси*.
Иоаким, *архимандрит Чудова монастыря, впоследствии патриарх*.
Неронов, *священник*.
Ванюша, *сын Морозовой*.
Голос свыше.
Архиерей.
Странник-старец.
Юродивый.
Доктор.
Стражник.
Мужики.
Бабы.
Скоморохи.
Старицы.

- Долго ли муки сея, протопоп, будет?
- Марковна, до самыя до смерти!
- Добро, Петрович, ино еще побредем.

Из «Жития протопопа Аввакума»

ЧАСТЬ I

Царь *(в Кремле)*

Полнощная пора. Что аспидная грязь
налипла тьма на мой кафтан и тело.
Перстом не шелохнуть, не сжать кулак.
Хотя б звезда сквозь облако проткнулась,
спихнула с плеч пудовую усталость
и озарила путь к монастырю.

Пусть Никон - патриарх всея Руси -
в ней неустанно свой творит молебн.
Он над холопом силу утвердит.
Укоротит, ретивый, вольнодумство
в церковном стаде и отцов духовных,
кто не со мною, - всех перекует!
О-о, как на грудь мятежно давит тьма!
Как тучен стал. Слабею... Задыхаюсь!..
Слуга, скорее лекаря! Скорей!!
Пусть отворит мне кровь ученый немец...

Доктор

...Все, государь! Немного полегчало?

Царь

Ф-фу-х! право легче, лекарь. Просветлело
в моих глазах. И дышится легко...
Персты в кулак сжимаются. Вот чудо!
Повелеваю, дохтор, всем вельможам
проделать завтра то же, что со мной.
Пускай и им наступит облегченье.

Боярский дом. Аввакум в гостях у Морозовой.

Федосья Морозова

Петрович, глянь-ка! Глянь-ка! Наконец-то
Бог слепоту кромешную отряс
и месяцем, вишь, небо разродилось.
Веселенький, тонюсенький такой!..
Ножонками сучит и, несмышлениш,
вонзил во тьму серебряный свой крик,
и отступила ночь за Кремль куда-то.

Урусова

Боюсь я, чтоб Ванюшу твоего,
болезного, не разбудил он криком.

Данилова

Нет, не разбудит - паче усыпит!
Есть в лунном свете корни состраданья.

Морозова

Спи, мой соколик! Чадушко мое!
Проснешься - жизни радуйся, родимый,
как можно больше радостью душевной.

Данилова

И мудростью сердечной прозревай.
Да ведай - страшен коршун, преобретший смиреннейшего голубя перо.

Урусова

Не на перо - на клюв усердней зри
и распознаешь хищника по клюву.

Морозова

По хватке. Ныне Никон - бес носатый,
в царевы бармы впился так, что зять мой,
Борис Иваныч, - сам кормилец царский,
ничем его не в силах отодрать.

Урусова

Во гневе лютом посохом ему
он токмо нос хищнее изгорбатил.
Месть заронил в бесстыжие глаза.

Аввакум

Свет никогда не сговорится с тьмой.
Родился токмо, а уже - светло!
Открой окно, Прокопьевна, пошире
и не препятствуй свету - пусть сияет!
Пусть к благоверью указывает путь.
И нищий, и юродивый - пусть входят
в твои хоромы. Голод утоляют.

И вместе мы помолимся, потерпим
за истину великую, за Русь.

Да будет проклят Никон-плевослов,
предавший грекам-плутням нашу веру,
охаявший святительский престол.
У них давно с католиками шашни.
Что грек, то плут! А в храмах - грязь, помет.
И вместо певчих - кур-несушек крики.
Там вера испроказилась повсюдно
прельщеньями безбожных агарян,
здесь, в русских землях, - ярче просияла
святых отцов ученьями. Неронов -
светлейший ум. Храни его Господь!

Никон *(в молельне монастыря)*
Проклятый месяц! Не успел родиться,
как сразу, нечестивец, выгрыз тьму.
Все выявил в полунощной молельне.
Все трещины - гниения жилища,
разворошил и в душу заглянул.
Что в ней узрел упрямый сей младенец?
Великое служение Христу?
Или борзую брань чертополоха?
И то и это. Иначе никак
простолюдин не выйдет в ранг владыки,
не возжелает выше стать царя
и славою вовек не насладится.

Голос свыше
О, жалкий раб, от славы отрекись
и на земле ты станешь человеком!

Никон
Я был рабом, коль был простолюдин.
Стал патриархом - значит, человеком!
Мне Бог спасенье веры положил!

Голос свыше
А что есть вера?..

Никон
Вера есть добро!..

Голос свыше
Добро творить...

Никон
Но знать чему в угоду.
Послушай, отче, притчу на сей счет:
Жил молодец, бродяга, оборванец.
Хоть и работал много - был бездомным
и вечно тощим. В рублище ходил.
Однажды он змею из-под обвала,
несчастный, спас. И та его за это
уж собралась было укусить.
- Что ж ты, змея? Я спас тебя от смерти,

- сказал, - а ты мне отвечаешь злом.
- А чем же, молодец?
- Добром благодари!
- Ну хорошо. На первый раз сними
с меня кольцо чешуи золотое.
Продай. А деньги кончатся - придешь.

Зажил бедняк. Отстроил дом. Служанку
себе завел в хоромы. А однажды,
гордец, решил: Чего это так мало
змея дает колец мне золотых?
Убью ее - и все их заберу!..

Голос свыше

Бог создал гадов злых по роду их.

Никон

А человека?
... Ужас, как сияет
сей молодец! И видит все насквозь!
Тускнеют свечи. Божья мать с иконы
пытает взглядом... Скройся! Слеплю!!
Клюкою враз повыколю галаза!
Не будешь зыркать! Завтра - принародно
обрушу гнев державный на обряды
Руси великой. В ярости пожгу
святые книги старцев богомерзких.
И возвеличусь я, как только Русь
моим затеям станет в послушанье.
Да будет так! Чем выше, тем трудней!
Огнем очищу путь к Вселенской церкви!
День, как Христос, в лохмотьях облаков
взойдет неотвратимо на Голгофу!

Утро.

Церквушки крест. Собора купола.
На позолоте - наростень тумана
взбухает.
В глотке у зари слеза застряла.
Ветра храп и стон.
И вывихнутый колокола бас
ворвался в растопыренный проулок.
Телеги скрип. Прыщавая рука
за волосы хватает Богоматерь
и по камням волочит и...

Аввакум

Пинками ведут на площадь веру,
как осла!

Неронов

Святые книги жгут! Христопродавцы!

Мужики

И кукишами крестятся!

Бабы

Иконам выкальвают, изверги, глаза!..

Аввакум

Господний гнев накличут: мор, чуму!

Неронов

И царь сему потворствует!..

Юродивый

Холопы, царь Алексей - антихрист!

Бабы

Сгинь, блаженный!

Юродивый

Антихрист - зверь он о едином роге!

Спасайтесь!

Аввакум

Нет! Вступайте с ним в борьбу!

Мужики

Бей Никона! Плюй в очеса царю!

Неронов

Спасайте Богородицу! Бегите
в леса дремучие. Голодной смертью мрите!
Вовеки не умрете на земли!
Вовеки живы будете! Вовеки!

Аввакум

Взметайся, чернь.
Народа глас - глас Божий!

Морозова

Урусовой и Даниловой в стенах своего дома

Рассвирепела буря. Матерь Божью
срамят, что лиходельницу, как будто
не Бога родила она, а тварь.

Дурисвет Никон - хитроум мордвин,
попрал преданья русские. В угоду
себе творит бесчестия, злодей!

Царь Алексей Михайлович, почто
втоптал в навоз отца родного веру?
Коль Никону потворствуешь, тогда
извергни тело батюшки из гроба
и псам отдай!..

Извергнет и отдаст!

Того лишь ради, чтобы власть возвысить,
на все бесчинства с рвением пойдет.

Уже в тюрьму Неронов заточен.

В церквах не стало видно Аввакума.

По храмам токмо вертятся лъстецы.

К державной длани липнут. И свирепей
резвится стужа лютая кругом.

Дерзнем же, матушки! Свирепость умягчим.
Положим благочестию начало!

ЧАСТЬ II

*Никон и архимандрит Чудова монастыря Иоаким
стоят у собора Василию Блаженному.*

Мимо проходят скоморохи и поют:

Ходит чернец по монастырю
просит чернец милостыню.

Дайте, чернице,
дайте, сестрице,
чернецови милостыню...

Вынесли ему белой муки.

А он просит у них белой руки.

Дайте, чернице,
дайте, сестрице,
чернецови милостыню...

Никон

«Прославлю - прославляющих меня!»

(Стучит посохом о стену собора).

И очи дерзким зодчим вынул в муках.

Иоаким

Да, тем и мудр был Грозный Иоанн,
что дивной казнью смердов и прославил.

Где все песок - колодец неча рыть!

Никон

Но ты тупее пня, архимандрит,
собор велик не росписью единой,
а нерушимым внутренним крепленьем.

Он ослепил тех зодчих потому,
что не свою узрел в сем храме славу,
а пакостных мужланов сих, чьи хари
облачены в иконы и на них
повелено издревле нам молиться.

Иоаким

Нам и царю?!

Никон

А царь, он что - Всевышний?
Он церкви раб и нам с тобой слуга.

И, яко месяц емлет свет от солнца,
так и он на царство, на престол
помазанье от архиерея емлет.
Я на него сморкаюсь и плюю!

*Из Кремля выходит разодетая в парчу, вся пышущая женской зрелостью и
красотой боярыня Морозова.*

Ба! Господь сподобил свидетелься нам, свет...

Скажи, грешно в такие-то лета
томить младое тело власяницей?

Грешно, скажи? И тучу отведу
рукою от очей твоих дремучих.
Клянусь, лобзал их ирод Аввакум!

Морозова (*гордо*)

С дороги прочь, козлище блекотливый!
А патриарх, дак милости вдове
творить обязан, а не блудопенье.

Никон

Коли пути стеклися наши, то
иль не заспишь желания мои
принять с раденьем божиим, иль я
рукой царя во прах тебя низвергну
вослед за ненавистным мне Борисом.
Не я, а ты с пути соскочешь - вот!

Морозова

Суд праведный учил творить нас Бог.
А ты творишь насилье и наветы.
Безбожник ты! А значит, и стремленья
твои безбожны - пагуба и тля!

Уходит.

Никон

Идя ко Храму, встретишь на пути
и пыль, и грязь.
Но все пройти потребно.

Иоаким

Пора ее, владыко, приструнить.
Совсем уж окрысилась на власти.

Про себя

«Сморкаюсь на царя...» - запомнить надо
и отложить для дела. На потом...

Скоморохи (*удаляясь*)

Ходит чернец по монастырю.
Просит чернец милостыню.
Дайте, чернице,
дайте, сестрице,
чернецови милостыню.
Вывели ему старую бабу:
- Вот тебе, чернец, спелого бобу!
- Не то, чернице,
не то, сестрице,
чернецова милостыня.
Не то, чернице,
не то, сестрице,
чернецова милостыня.

*Иконный покой. Федосья Морозова
стоит на коленях и молится.*

Благодать тебе, Иисус Христос, -
первенец из мертвых и владыка царей земных!
К тебе, возлюбившему нас,
обращаю свои мольбы:
услышь мя и укрепи дух мой
на поединок с дьяволом.
Ибо что иное сохранит истинную любовь
к земле русской,
кроме святости и заветов отчих?
Не лишай хлеба нищего,
не отдай поганому чести нашей!
Дай силы сразить его, аспида!
И обрати мою печаль
в радость!

Голос свыше

Знаю, знаю твои дела, и что ты живешь там,
где престол сатаны,
и что не можешь сносить развратных и лжецов,
кои нарицают себя святыми,
и что содержишь имя мое
в такие тяжкие для тебя дни.
Знаю, знаю: покуда будут человецы самолюбцы, сребролюбцы, хульники, а не
боголюбцы -
до тех пор мир будет растлеваться.
Не страшись ничего!
Что должно тебе притерпеть, ты притерпишь.
Пуускай будут ломать твои кости - терпи!
Жечь огнем и морить голодом - терпи!
Не дай одолеть себя!

*Из горенки больного Ванюши
сквозь полутьму коридора доносится слабое:*

Маманька!.. Пить! Кваску подай. Нутро
сглодал огонь. Немеют плечи. Будто
на спину мне кто жернов положил.

Мать

Пророк являлся...
Божечки! Сынок,
родименький, сейчас подам, сейчас.
Кваску с медком... А может, травки лучше...
Ох, горе-то великое! Напасти!
Все от него... от Никона, разор!

Ванюша

С тобой опять столкнулся патриарх?

Мать

Столкнулся, Ванюшко. Столкнулся, окаянный.
На, пей квасок. И паче ляг, поспи.

Ванюша

Сейчас, мамань, попью. Скажи, а правда,
в народе бают, - оборотень он?

Мать

Да, сыне... Зри, во что он обернулся:
вон, как чума лютует - не унять!
По градам всем и весям - запустенье.
В страданий бездну Русь толкнул, злобец!

Смахивает слезу.

Ванюша

Не плачь, мамань. Тебе нужны не слезы.
Не бойсь его - мне подлый страх отдай.
Сомненья есть - отдай мне и сомненья.
Тоска - тоску!
А предков гнев - оставь!
Отдай печаль. Чем больше мне отдашь,
тем легче будет путь твой к поединку.

ЧАСТЬ III

Странник (в пути)

Сошла жара. Татарник лопушистый
привял болезный. Спекся. На пригорок
сел суховой-бродяга отдохнуть.
И мне пора. У сливы-говорухи
котомку с плеч докучную сниму,
отведаю плодов созревших с ветки.
Она не враг - голодного и взглядом
веки не отгонет от себя.
Присяду на разлапый копытняк.
Протру галаза разъеденные пылью,
кروавые засушины и язвы
потрогаю. Потом перекрещусь.
Съем крошку хлеба черного с половой
и, не спеша, дорогою запью.
Не сетуй, брюхо, - царь велел поститься:
От скудости теперь вся Русь в посту!
До смерти пост! Весь род наш христианский
двойною данью, дьявол, отягчил:
сирот, и вдов, и нищих, и слепых -
нет никого, кто б был им пощажен.
Везде и сокрушение, и плач!

...Ну, вот поел, родименький, и дальше
бреди в Москву, покуда сила есть.
пусть ноги измозолены, пусть плечи
натерла лямка толстая. Письмо
из земляной темницы Пустозерска
от Аввакума дочери Федосье
к вечерне я успею передать.

Грановитая палата. Царь Алексей Михайлович и архимандрит Иоаким.

Царь

Геены сын! Злодей! Иуда! Шпынь!
И разоритель дома чудотворца!
Бес непотребный, дьявол Аввакум
мутит в Москве...

Иоаким

Сюда из Пустозерска
он письма шлет подметные. А чернь
их за молитвы всюду почитает.
Поглянь, светлейший, вот одно из них:

Читает

«...Духовный отрок, превратишься в червь,
коль старого отступишь благочестья!
А не отступишь - будешь ты велик.
И не гнушайся бедного. И знай:
на сколько златом жизнь отягощил ты,
на столько и в грехах своих погряз...»

Царь

Ученье сатанинское! Откуда
оно к тебе попало?

Иоаким

Из хоромов боярыни Морозовой.
Она - змеючник Аввакумов.
С простецами сравнялась добровольно.
Нищим шьет рубахи по ночам. И язвы, дура,
им омывает гнойные. И пищу
во рты им безобразные кладет.
Попался старец в руки нам. Пытали
его на дыбе. Но молчит, стервец!
Кому письмо и от кого - не кажет.

Царь

Я посылал к боярыне тебя
с поклоном о смирении. Поведай,
сегодня, яко крестится она?

Иоаким

Все тако же - двуперстьем, государь, -
по древнему обычаю. А с нею
Урусова сестрица и Мария -
стрелецкого полковника жена...

Царь

Урусову, Данилову - под стражу!
А старца и Морозову - ко мне!

Про себя

Федосия Прокопьевна... О, беси!
Верховная боярыня - мой враг!
Борис Морозов - дядя и пестун
и ей по мужу кровная родня,
учил меня кататься на лошадаках
и управлять державой, как конем, -
все отдал ей, сойдя в сырую землю.
И вот она - заблудшая овца,
деньгой сорит, снуя по богodelьям.
Юродствует владычица богатств.
О, сколько я ее увещевал!

Поклоны бил державною главою.
Ее часть вотчин в гнѣе расточил.
Молил: «О Ване-сыне попекися!...».
Не попеклась. В противность пуше стала! Убожеством богатство нарекла.

К Иоакиму

Где сын ее? Как хворь его, здоров ли?!
Я лекарям лечить велел юнца.

Иоаким

Ивана архиереи залечили.
Во гробе юный стольник опочил.
На зорьке помер, а к вечерне мати
в монахини уж постриг совершила.
Теперь она - паршивая овца!

Царь

От корня, от греховного и плод
зело бывает зол. Ну, слава Богу, -
я бисер отметал перед свиньей!
Сегодня ж возложить ей чепь на выю.
Добыть злоречья татей Пустозерска!

*В это время входит Морозова.
Следом стражники вводят старца.*

Царь

...Федосьюшка! Родимая, скорблю...
по стольнике Ванюше. Видит Бог...

Морозова

Не плачешь ты, а радуешься горю,
коль изуверов козни возлюбил.
Они всему рыданье и погибель -
не токмо Ване, чаду моему.
Кто были украшением Руси -
сегодня все гонимые, а тати,
убийцы, лицемеры, подлецы
не истинно, а мздою и обманом
вскочили на святительский престол.

Борзой кобель, изменник, баболюб
с себя икону ирод-Никон пишет...

Царь

Он сослан в ссылку, льстивый хитрослав.
Не патриарх он больше - вор! Мерзавец,
сморкаться возжелавший на царя.

Морозова

Не возжелал, владыко, а сморкался.
Латинским хитрословьем новых книг
святую церковь нашу испоганил.
Богатых от убогих отвратил.
Живот роскошный - вот его вся вера!
Она ведет к растленному житью.

Старец

К бесчестию. Во адовую пропасть.

Иоаким

Богатый, о богатстве помышляй! -
так говорит писание святое, -
а бедный - в добродетели богатся,
Небесное богатство обретай!

Морозова

В сластях живете, мудрствуя с похмелья.
Презрели душу, убажывая плоть.

Царь

Живот роскошный?.. Это ль не исток
к познаниям высоким человека?

Морозова

Познай народ - и ты познаешь дух!
Обычаи забудешь иноверцев.
Поймешь, что Русь святая - Третий Рим -
краса земли и сила благочестья,
убежище и слава христиан.

Старец

Христа писать брюхатым не позволишь
по своему подобию.

Морозова

Вы - греки! -
язык природный стали забывать.
Святая миротворица Мария
у вас блудницей выглядит. Сосцы
оголены...

Царь

Так что же,
велишь ты по подобию нищих бабиц,
а не цариц иконы си творить?

Морозова

Стан духовенства предков - скудость плоти,
на внешности - страдание и скорбь...

Старец

А не блаженство сытое. Оно
есть празднество зловерное во блюде.
Ведет к растленью вечного житья.

Иоаким

Чего ты хочешь, старец?

Старец

Вот чего!

В самые очи Иоакиму тычет двуперстие.

Иоаким

Так возьми ж!

*Выватив у стражника нож, отсекает
в ярости старцу кисть правой руки.*

Старец

О, бози! Иисус Христос, спаси!

Морозова

Святой свирепство зверя превзошел.

И это ли, владыко, христианство

умучить человека?

Это ли?

Иоаким

Да! Это!!

*Хватает боярыню за волосы и, сбив с ног, тащит в дверь. Стражники уводят
старца.*

Царь (один)

Ревя медведем бросился на жертву,

ревниво повелителю служа.

Верховную такой и мыслю паству.

Иоакиму патриархом - быть!

...Морозова - источник милосердия

и черни мать духовная. За ней

стоит вся Русь убогая. Вдовица

должна ко мне то стадо обратить.

ЧАСТЬ IV

Князь Воротынский и священник Иван Неронов в стенах Чудова монастыря.

Воротынский

Держит в руках только что переписанную монахом новоисправленную книгу.

Послушай, отче, в новом Богослове

чего-то «Иисус», а не «Иисус» написано?

«...от матерних сосец изволил млеко,

чадушко, питаться».

Чем «Иисус» - «Исуса» краше, а?

Неронов

Оскалом нового, премудрый княже. Тем,

что с книг хромных - монах наш, пьяный дьявол, домыслил это пакостное «И!»

Воротынский

Немедля взять и выпороть писца!

Неронов

Не перепорешь всех. Они такого

«написывали», ироды, что краше

идти по иоакимовой стезе.

Ты помнишь, он намедне рек царю:

«Я, государь, не новой и не старой

не знаю веры. Но всегда готов

все, что велят начальники, исполнить!»

*Уходит в подклеть монастыря
к закованной в железа Морозовой.*

Морозова

Вот и пришла по Никону навету
царева ярость на мою главу.
Ванюшу - сына красного, тростинку
любимейшую вырвав с корешком,
умучила. Богатство отобрала.
Все вотчины списала на льстецов.
Железное огорлие на выю
мне возложила, заковала в чепь,
и голодом, и стужей истомила.
И палицею брызнув по зубам,
кричала: «К тем служебникам, по коим
царица причащается с царем,
ты причастишься?
- Нет, не причащусь!
- Не причастишься?!
- Нет!
И потащила
меня на дыбу так, что все ступени
с крыльца и до земли сочла щекой.

- Не причащусь ученью иноверцев, -
кричала, - лести вкрадчивых придворных,
такие обрекли Христа на казнь!

Входит Неронов с последней просьбой царя смириться.

Неронов

Боярынюшка, свет-Федосья, будет!
Ты не осилишь царских дел. Смирись!
Его трепещут небо и земля,
и человеки все, и даже твари.
И токмо супротив одна ты встала
и чинишь неудобства. Мать, смирись!
И царь вернет отобранное золото.

Морозова

Не надо залата. Веру не предам
никонианам лживым толстозадям.
Не тот силен, кто золото может дать,
а тот, кто взять его не возжелает.
Ты возжелал, Неронов, восхотел
служить владыке падшему. Изыди!
Ты предал Русь!

Неронов

Руси не предавал я!

Морозова

Тогда зачем пришел?

Неронов

Пришел сказать, чтоб стойче ты держалась, преданиям отцов не изменив.
Так Аввакум велел. Прости, Федосья...
Лукавой лести Никона поддался...

Морозова

Мерзавцы лестью подчуются лишь.

Неронов

В темнице позавидовал сиянью
его увитых жемчугами риз.
Мирскою страстью гада соблазнился
и этим токмо предал сам себя.

Морозова

Случайным ты блистанием прельстился.
Чесотка зависти в проказу перешла.
Спасет не риза нас, а нрав и вера
в посев добра. Се ведомо тебе?

Неронов

Друг другу супротивны: ты и Никон,
а значит, и губительны всему.

Морозова

А ты меж нами хочешь стать межой?

Неронов

Огонь леса на свете погубляет,
но не погубит, если оной встать.

Морозова

Не каждая межа огня страшится,
иная и союзная ему.
Злобесный волк ты! Немощность твоя
от жажды уцелеть проистекает,
от ловкого ума,
а ловкий ум
не может вкупе с верой пребывать.

Неронов

Поганец я! Но жить хочу. Прости!..
Не выдержал звероподобных пыток.
Огонь да встряска ждуют меня.
Тебя же - боярство вечное.
Что начала - свершай!
И никогда конца не будет свету,
коль ты, светильник, светишь на земли!

Морозова

Судьбы своей иному не отдам.
Пусть умру, но смертью страсотерпки!

*Пыточный двор. Морозова. Урусова, Данилова молятся перед казнью. Патриарх
Иоаким.*

Князь Воротынский. Народ.

Патриарх Иоаким (читает)

...Клеветников, раскольщиков и всех
ругателей властей достопочтенных,
всех, кто дерзнул помазанников божьих
коснуться языком своим бесчестным -
пытать немилосердно! Бить и жечь,
покудова властям не покорятся!

Воротынский

О, самых благороднейших кровей,
Федосия, ты видишь ли огонь?
Тебя он ради уготован, слышишь?
Утешь царя и новшества прими!

Морозова

Что, княже, мне обычный твой огонь!
Он вспылал и, немощный, угаснет.
Сего огня не токмо не боюсь,
но жажду вечного, который вас сожжет
и ваши развращенные догматы!

Иоаким

Урусову, Данилову - к огню!
Растелешить и раскаленной шиной,
палач, смелей тыч бабицам в сосцы!
На дыбе руки выверни в суставах.
И сапогами хари растопчи!

Урусова

Одежды рвете... Мыслите раздеть?
Разденете - узрите то, что тленно.
Наемники, преступники, шиши,
вы - века суета! Усердней рвите
сорочку - тесно духу моему!

Юродивый

Погляньте-ка! Погляньте-ка, слепцы!
На стратотерпках конские железа
и ожерелья пестрые на псах...

Морозова

О люди! О двуногие! Зачем
в звериное вы пали состоянье?
Зачем вам ценны более всего
металл и камни, а не человеки?
Терпите, матушки! Терпите, дорогие!
Не устремляйтесь к малому, когда
великое стучится в ваши двери!

*Шум. Ропот. Сквозь толпу стражники проталкивают к реброломательному орудию
искалеченного старца.*

Воротынский

Схватив старца за бороду
Ты свитки богохульные метал
в пыли торговой, мерзостный калика?

Старец (гордо)

Метал в народ святейшие молитвы,
и мазал дегтем царские гробы!
Сосуд с червями, ты такое ведал:
«Коль хочешь быть помилован - сам милуй!
А хочешь есть - иного накорми!»

Воротынский

Я-я?! Нак-к-кормлю-ю!!!

Пьяно качнувшись, жадным лезвием бердыша шибаает с плеч старца голову. Она, как валенок, хрустко нырет в снег и сунется к дыбе. Из шеи, с пылающим сгустком крови на срезе, высунулась синяя, как свеча, трубка горла, дергаясь и паря.

Юродивый

Свечу- у!.. зажег Всевышний судия!
Свеча - наш старец! Немошные, зрите!
Отгаивайте души ото льда!

Воротынский

Круто повернувшись к Морозовой
Последний раз прошая: «Нашу веру
ты примешь, окаянная?!»

Морозова (спокойно)

Изыдь!
Где ваша вера? Нет ее нигде!
А веры нет, то, значит, нет и правды!

Воротынский

На древе, на мучительном! Нагу!
Повесити. И мучить! Мучить! Мучить!

Иоаким

И всяко надругательства чинить!

Бабы

...Ломают ребра!

Мужики

В снег швыряют. Колят!
На груди - плахи мерзлые кладут!

Бабы

Не устыдятся слабости, зверюги!
Не усрамятся женской наготы!

Юродивый

Суть веры их - не миловать, а мучить.
Добро творящих - всяко обкрадаты!

Морозова (вися на дыбе)

Мучители вы ярые, что деете?
Того не зная сами, приближаете

нас к вечному Прибежищу скорей.

Царь

*В одном из домов, примыкающем к пыточному двору, читает перехваченное письмо узника
Ававакума к Морозовой.*

«...О, дочь моя! Ты дышишь ли еще?
Иль в срубе сожжена? Иль вервием
удавлена? Не вем! Не вем! Не вем!
Вещай, родимая, един глагол - жива ли?

Пропала правда - где её искать!
Народ бежит безмерной кабалы.
О дерзость! О падение! О Русь!

Почто тебе латинских восхотелось
поступков и обычаев? Почто
подобопесый Никон козновеньем
своим в царе измену укрепил?..»

Про себя

Его лукавством церковь я осилил.
Своей деснице паству подчинил.
Теперь я - царь! И я же - патриарх!
Всея Руси единый самодержец!
Сам милости и кары воздаю!

*Смотрит в окно на толпу,
потом на окровавленных в снегу мучениц, обращается к архиерею:*

Такая казнь величием красна.
Она предтеча бунту. Много чести
волчицам сим - погибнуть на миру.
Сослать их в Боровеск и бросить в яму.
И в яме лютым гладом уморить!
Не устоят! Не выдюжат! Смирятся!

Архиерей

Морозова, поглянь, нага, что Ева...

Царь

Смутьянка, а не Ева. В толк возьми:
та, рай презрев, в мирскую жизнь сошла.
А эта нас во ад отправить хочет,
мизинным людям* царство сотворить.
В тьме непроглядной, в задухе земной
навек обесчестить нечестивку!

Мимо окна медленно бредут скоморохи и, удаляясь, поют:

***Мизинные люди - бедные люди**

Ходит чернец по монастырю.
Просит чернец милостыню.
Дайте, чернице,
дайте, сестрице,

чернецови милостыню.

Вывели ему красну девицу,
он принял ее под власяницу.
То-то, чернице,
то-то сестрице,
чернецова милостыня!
То-то, чернице,
то-то, сестрице,
чернецова милостыня!

ЧАСТЬ V

Раскольничий вертеп. По закопченной от сальной свечи стене, к вороху лохмотьев - постели стариц, ползет клоп.

1-я старица

Убей его, сестрица, чем-нибудь!
Кровь пьющие противны мне до рвоты.

2-я старица

Свыкайся, милая. В антихристово время
кишмя кишит их всюду. Что те клоп?
Он знает честь: насытился и набок.
Клопов двурушных бойся, тех, кто редькой
смердят по храмам, пьянствуют безмерно
и матерно родителей своих
упоминают вместо почитанья.

3-я старица

Кто занят красотой лица и рук,
забыв о добродетели душевной.

2-я старица

И учит: верных - мукам придавать.
Вчера опять на пыточном дворе
Федосью и сестер высокородных
каменносерды огненно пытались
от веры православной отвратить.

И в злобе обессилев, в снег швырнули
нагими страстоносиц. Но Исус
их не оставил в муках таковых.
Он растопил окрест их снег колючий
и теплоту им летнюю подал.

3-я старица

Поступком честным посрамил бесчестье.

1-я старица

Вот те пиявцы! Вот те и клопы
в собольих шубах... Эти не отстанут,
покудова не выпьют весь сосуд.

.....
Боровское. Из пятисажженной ямы, изможденная, с закоржавившим от проказы телом, Морозова черными провалами глаз смотрит в небо.

Ущерб луны и неба лоскуток,
и стражник, наклонившийся над бездной,
и черви в ранах скользкие, и гной -
вот все, чем удосужилась владеть я.
Вот все, чему я радуюсь, терпя.
За чистоту Руси и непорочность,
за то, чтоб солнце равно всем сияло,
не устращусь на части рвущих тело.
Желез на вые все ж не убоюсь!
Я их терплю уже четыре лета
и тем горда, что эту чепь целую,
как верную союзницу мою.
Жалею вас, живые мертвецы,
насилъники лукавые, вы - злоба,
которая сама себя пожрет!

Вчера уже отмучилась сестрица,
в мир вечный Евдокиюшка ушла.
Данилова сидит среди злодеев*...
Жива ли, матушка? Коли жива - дерзай!
О, как свел челюсть судорогой глад!
Как тело посиневшее опухло!..

Дай хлеба, стражник!

Стражник
Мать, прости, боюсь!

Морозова
Ну яблочко хотя бы!..

Стражник
Нет. Не смею!
Сам на цепи за это окажусь.

Морозова
Час смертный вижу... Стражник, о, спасибо! Спасибо тебе! Слава тебе! Ты
не помешал свершить мне подвиг, чадо!..
Невеста я Христова. Я, Иисус, иду к тебе!
Иду к тебе... Иду я !!.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Никон
Из ссылки в ФерAPONтовом монастыре
Отбунтовала. Стихла. Отошла.
Путь из бесславы в славу совершила.
На голос иноверца не пошла.
Протухлой рыбы есть не пожелала.

Голос свыше
А ты?

***В XXVII веке злодеями называли уголовников.**

Никон
Я ем!

Голос свыше
И молишься?

Никон
Пустое!
Нет праведных служебников. Все -тля!
И русские, и греческие - ересь!

Голос свыше
Тогда зачем же смуту учинил?

Никон
Окстись! Я тем творил противоборство,
кто не в смиренье истину искал.

Голос свыше
А в чем же - в мудрости?

Никон
Не в мудрости она - в тебе, владыко!

Голос свыше
Кто любит власть - не может без интриг.
Летать тебе взмечталось высоко.
Вселенской церкви папой стать решил и...
Конец ты помнишь притчи о змее?

Никон
Забыл.

Голос свыше
Так слушай же:

...Чего это так мало
дает змея колец мне золотых?
Убью ее и все их заберу! -
- подумал молодец и стал на путь разбойный.
Пришел к змее, хитрюга, а она
его, злодея: р-раз!И уязвила!
Позарился на золото, вот и пал.

Никон
Он прахом был и в прах сошел, негодный.
Я ж при расколе - вечно буду жить!

.....
Царь *(в Кремле)*
К чему стремилась, то и обрела.

Несчастливая, свою искала правду,
моей не восхотев уразуметь.
Потомок, зри во гроб! Кто в нем, скажи?
Святая или тать - в мощах познай-ка!

.....
Аввакум

Слово плачевное о трех мученицах из
Пустозерского заточения.

Звезды утренние, воссиявшие ярко!
Чада мои возлюбленные,
сестры мои сердечные!
Кто подобен вам на сем свете?
Как магнитный камень
влечет к себе железо,
так вы своим подвигом
влечете души к святости и красоте.
Соберитесь, русские сыны,
соберитесь, девы и матери,
прославляйте великих мучениц,
кои от богатств хормных
сошли к нищите и за нас пострадали.
Без смерти и мы не будем.
И надобно нам творить доброе,
чтобы было с чем предстать
пред Судом грядущим.
Слава вам вечная, чада мои!
И вечный покой!

Автор

Из надгробной надписи

Живущий,
поклонись праху святому
сестер-мучениц -
и птица духа встрепещет в твоей груди.
Прибавь каплю их подвига
в питье и хлеб, подавая пищу прохожим -
и благодать не изгладится
из книги жизни
вовек!